
ФИЛОЛОГИЯ

УДК 81

О.А. Фомина, О.Ю. Потанина*Донской государственный технический университет**г. Ростов-на-Дону, Россия**lelik8181@list.ru**olgapotanina2007@yandex.ru***РЕЧЕВЫЕ «НЕДУГИ» КАК СЛЕДСТВИЕ НАРУШЕНИЯ НОРМЫ****[Fomina O., Potanina O. Speech “diseases”
as a consequence of the violation of a norm]**

It is considered the so-called speech "diseases" that occur in the Russian language and speech in connection with the violation of the norms at all levels. Medical approach to the terminal names is applied because many of the categorical nominations are formed by analogy with the terms of medicine, borrowed from biology, etc. To these "illnesses" can be referred, for example, kantselyarit, bitobit, naukovit, tzerkovit, politit and others. Trying to form this list of "diseases", it can be said that all "diseases" of the Russian language constitute a kind of organized microterminal system within which they implement their values. Forming similar lists of "ailments", we can say that all "diseases" of the Russian language form a certain organized microtermsystem within which their values are realized. The core of this microtermsystem is not only a word-formation rate (all terms are formed by productive derivational models relevant for the medical sector), but also the internal motivation of terminological nomination, which is sufficiently transparent and clearly linked to determining some specific lexical formation

Key words: speech "diseases", "diseases", violation of norms, terminal names, microterminal system, kantselyarit, bitobit, naukovit, tzerkovit, politit.

Неконтролируемое нарушение нормы в современном русском языке привело к появлению такого понятия, как «речевой недуг». Так называемый «медицинский» подход к современному состоянию речевой культуры обусловлен восприятием языка как живого организма. Любые отклонения от нормы требуют постановки определенного диагноза, что соответственно отразилось и на терминологических номинациях, которые образованы по аналогии с терминами медицины, заимствованы из биологии и т.д.

Впервые на одну из таких болезней русского языка обратил внимание К.И. Чуковский и обозначил ее как *канцелярит*. Этот недуг казался ему одним из самых страшных (1990). Понятие «канцелярит» прочно вошло в со-

знание профессиональных лингвистов, публицистов, озабоченных судьбой родного языка. Об этом свидетельствует наличие даже специальных работ, посвященных этому феномену [6, с. 95–102].

Чистота речи, по мнению многих лингвистов, нарушается из-за использования *канцеляризов* – слов и выражений, характерных для текстов официально-делового стиля, употребленных в живой речи или в художественной литературе без особого стилистического задания, неоправданно. *Канцеляризы* часто встречаются в устных выступлениях и в печати, несмотря на то, что не всегда они необходимы. Итогом широкого распространения и неуместного употребления канцеляризов стал широкомасштабный процесс под названием *канцеляризация речи*.

Итак, обозначенный К.И. Чуковским *канцелярит* – это использование языковых средств с сильной памятью деловой сферы (канцеляризов), прежде всего, в бытовой, обиходной сфере общения, где они воспринимаются как нелепые, а иногда и оскорбительно неуместные. Если это понимать именно так, то сразу возникает мысль о том, что возможны и злоупотребления, связанные с использованием других языковых средств в чужой, не свойственной для них сфере. И тогда такие недуги можно назвать, используя ту же словообразовательную модель, которой воспользовался в свое время К.И. Чуковский.

В последнее время все настойчивее звучат призывы к избавлению от штампованных выражений. Многие лингвисты характеризуют речевые штампы как отрицательное явление в стилистическом аспекте языка. *Речевые штампы* традиционно квалифицируют как избитые выражения с потускневшим лексическим значением и стертой экспрессивностью. Все это приводит к *стилистической разбалансированности* (нарушению баланса, дисбалансу) в русском языке. Недостаток речевых штампов видят в том, что они лишают речь своеобразия, живости, делают ее серой, скучной, создают впечатление, что сказанное (или написанное) уже известно. Естественно, такая речь не может привлечь и поддержать внимание адресата. Этим и обусловлена необходимость борьбы со штампами.

Однако, вслед за Л.П. Крысиным, полагаем, что «вопрос о штампах в языке, по-видимому, не так прост, каким он кажется с первого взгляда» [2, с. 34]. Более того, поскольку штампы продолжают существовать, постольку вопрос о границах этого явления остается открытым и дискуссионным и в настоящее время.

По аналогии с канцеляритом и учитывая сферное деление речи, можно говорить и о неуместном использовании бытовой лексики или так называемом *бытовите*. Это распространенное «заболевание» речи малообразованных людей, с детства знакомых только с бытовой сферой общения и не имевших случая (возможности, желания, времени и т.д.) познакомиться с тем, как говорят и пишут в других сферах. Человек с симптоматикой бытовита оказывается совершенно беспомощен в деловой сфере (в канцелярии, в офисе, в официальной обстановке), не может претендовать на роль автора в научном сообществе, не знает, как выразиться в церкви и т.п. Бытовит, как правило, сопровождается неграмотностью или самым низким уровнем образованности, что проявляется в слабом владении литературными нормами. И здесь уместно вспомнить о таком понятии, как «языковая компетентность», которая в *бытовите* либо сведена к нулю, либо представлена ничтожно малым коэффициентом измерения.

Если обратиться к характеристике современного носителя литературного языка, то в первом приближении – это средняя языковая личность, речевое поведение которой свойственно повседневному языковому существованию человека в России. С одной стороны, активно развивающиеся процессы демократизации и либерализации в России дают простор для раскрытия коммуникативного потенциала говорящих; с другой стороны, снятие запретов, государственной цензуры привело к *языковой распущенности*, которая проявляется в публичной речи. Планка литературной нормативности использования языковых средств снизилась, со страниц газет и экранов телевизора часто звучит далеко не образцовый русский язык. Причина слабой языковой подготовки, по мнению многих исследователей, видится, прежде всего, в слабости школьного преподавания литературы и языка, в отсутствии определенной системы языковой подготовки кадров в государственных средствах массовой информации, в объективных изменениях языка на рубеже XX–XXI веков и т.д. Культурный ракурс речевого портрета, языковых навыков современного носителя языка – это «окно лингвистики... в реальный мир сегодняшней жизни русской речи. Из этого окна, к сожалению, очень хорошо видны те речевые издержки, которые общество терпит сегодня из-за несомненного снижения культурного и морально-нравственного уровня потенциальных носителей литературного языка» [1, с. 366].

По мнению Т.И. Вепревой, современные СМИ – своеобразный полигон для раскованной, «незажатой» личности, находящейся в процессе самопознания. СМИ становятся способом формирования языкового сознания общества в целом, средством создания языковой картины мира. Корпус метаязыковых высказываний в публицистике позволяет создать «лингвоментальный „автопортрет“ россиян» (В. Хлебда), реализованный как когнитивная и коммуникативная стратегии говорящего. Метаязыковой дискурс дает материал для осмысления речевого портрета *Homo reflectens* – человека рефлексирующего, языковой личности эпохи общественных и языковых перемен. Нельзя не согласиться с точкой зрения В. Хлебды, который считает, что «употребление метаязыка – удел отнюдь не всех. Метаязыком пользуются те, кто нуждается в сознательном оформлении своего говорения, кто чувствует потребность сообщить собеседнику, что отдает себе отчет в языковом статусе слагаемых своего высказывания» [8, с. 65].

Среди разнообразных условий, которые влияют на характер коммуникативных намерений говорящего, выражающихся, в частности, в эспликации языкового сознания, можно выделить наиболее значимые, фокусирующиеся в самой характеристике понятия «говорящий» («адресант», «языковая личность», «индивид» и т.п.) и реализующиеся в его речевом поведении, которое определяется «коммуникативной ситуацией... языковым и культурным статусом, социальной принадлежностью, психическим типом, мировоззрением, особенностями биографии и другими константными и переменными параметрами личности» [5, с. 34].

Однако *бытовит* – это не единственная крайность современного носителя языка. Отсутствие языковой компетентности выдают и другие речевые и языковые недуги. Так, противоположное явление – избыточное и неоправданное использование научной терминологии привело к *интеллектуализации речи* и появлению такой болезни, как *науковит*, или *сциентит*. Этот недуг характерен для речи как раз высокообразованных людей, ученых, которые распространяют принципы общения в научной сфере на все другие. Симптоматика науковита – обилие научных терминов, неумение говорить просто. Крайне опасен науковит для профессиональных преподавателей: он разрушает их контакты со слушателями, приводит к глухоте аудитории (профессорская болезнь). Не менее опасен он и для политиков, теряющих из-за него способность общения с простыми людьми, хотя выступления по-

литических деятелей и ораторов стали причиной другого заболевания – широкого распространения политической терминологии, или так называемого *политита*, который сложился еще в 20–30-е годы как результат массового политпросвещения. Сейчас довольно активно поддерживается телевидением, прессой, политической рекламой.

В речи церковнослужителей или людей, тесно связанных с церковью, может обнаружиться *церковит*. В целом для современной речевой практики не характерен, поскольку долгие годы церковная сфера общения была исключена из социального контекста, оставалась уделом небольшого круга профессионалов и верующих, старавшихся вне церкви не обнаружить своей причастности к ней.

В противоположность этикетной и эстетической недостаточности речи развивается *эстетит*, который, в свою очередь, поражает людей, склонных «говорить красиво» в тех сферах, где никаких украшательств речи не оценят и даже, напротив, сочтут за патологию, в первую очередь это касается деловой сферы, в меньшей – научной.

Между тем наблюдения над языковой жизнью нашего общества в последние годы заставляют продолжить список «сферических болезней». Еще одной из них является *криминалит*. Вполне естественно, что процесс криминализации нашего общества оказывает свое влияние и на его язык. И проблема состоит в том, что со стороны носителей языка наблюдается явно благоклонная позиция по отношению к криминализации речи. Активно продвигаясь в данном направлении, общество с большой степенью вероятности может оказаться в ситуации, когда криминальный интержаргон станет привычным и повсеместным. Действительно, в нашей социальной жизни существует криминальная сфера, которая всегда находилась за пределами легальных форм жизни и культуры. В последнее время произошла своеобразная легализация этой сферы. К *криминалиту* примыкает и другой пласт ненормативной лексики, который по аналогии именуют *обсценил*, *нецензурил*.

Говоря о подобных речевых недугах, надо отметить, что такой «медицинский» взгляд на языковую жизнь и ее патологические явления довольно распространен в области культуры речи. Все перечисленные заболевания действительно имеют место в речевой практике.

Итак, медицинская метафора К.И. Чуковского с течением лет обретает все большую объяснительную силу и позволяет по аналогии обозначить це-

льный ряд старых, запущенных речевых недугов русского общества и даже новых, появившихся в перестроечный и постперестроечный периоды, которые оказывают негативное воздействие на речевую культуру человека: *интеллектуализация языка и речи – науковит (сциентит), бюрократизация языка и речи – канцелярит, избыток политической лексики – политит, избыточность бытовой лексики – бытовит, распространение церковной лексики – церковит, эстетит, криминализация речи – криминалит, обценная лексика (непечатное слово) – обценит, нецензурит и др.*

Словообразования второго ряда свидетельствуют о том, что проводится параллель с названиями болезней (например, *бронхит, холецистит, колит, дифтерит* и др.), тем самым подтверждается тесная связь и прослеживается область пересечения с медициной, делается акцент на междисциплинарном характере данного научного направления как такового. С одной стороны, такие термины вполне могли бы «прописаться» в языке в силу своей краткости, лаконичности, однозначности, понятности. Но с другой стороны, терминопотребления первого ряда подчеркивают протекающий, длительный характер этих процессов в языке и речи. Именно это условие позволяет отнести указанные понятия к лингвистическим терминосочетаниям, т.е. их принадлежность к языковой сфере не требует контекстного пояснения в отличие от терминов второго ряда.

Выстраивая подобный список «недугов», мы можем говорить о том, что все «болезни» русского языка образуют некую организованную микротерминосистему, в пределах которой и реализуют свои значения. Стержневым для данной микротерминосистемы оказывается не только словообразовательный показатель (все термины образованы по продуктивной словообразовательной модели, актуальной для медицинской сферы), но и внутренняя мотивированность всех терминологических номинаций, которая достаточно прозрачно и однозначно связана с определяющей семой конкретного лексического пласта (бытовая лексика – бытовит, церковная лексика – церковит и т.д.).

Полагаем, что в данной ситуации не обосновательны рассуждения о правомерности отнесения указанных терминологических единиц к терминам (в строгом смысле этого слова). Прежде всего, следует упомянуть о наметившейся в терминоведении тенденции, в соответствии с которой по традиции выделяют две сферы: сферу фиксации и сферу функционирования. Общепри-

нято к сфере фиксации относить различные словари, справочники, учебную литературу и т.д., а, соответственно, сферу функционирования представляют научные статьи, монографии, любые периодические издания и т.д., и т.п. Это обусловлено тем, что сфера фиксации является нормативным показателем употребления того или иного термина. Сфера функционирования, в свою очередь, в большей степени отражает различные научные взгляды, предпочтения, фактически представляет целую систему научного поиска «идеального» термина [3]. В этой связи заметим, что терминологические номинации *науковит, политит, бытовит, церковит, криминалит, эстетит* и др. отмечены исключительно в сфере функционирования, кроме термина *канцелярит*, который представлен и в сфере фиксации.

Вслед за Н.М. Локтионовой, полагаем, что «постоянное развитие научной мысли, углубление знаний об изучаемом объекте делает труднодостижимым или даже невозможным существование совокупностей специальных номинаций, состоящих только из терминов» [4, с. 34]. В синхронии актуальны оппозиции «термин // номен // профессионализм». На наш взгляд, указанные терминологические номинации вполне могут быть квалифицированы в качестве номенов, если исходить из следующих их функционально-прагматических характеристик: номен важен в прикладном аспекте; выполняет функцию этикетирования, называя тип реальных объектов; отражает субъективность восприятия мира ученым-практиком [7, с. 11]. Возможно, данные номинации выполняют своеобразную роль предтерминов, поскольку номинируют явления, за которыми по сути стоит «процесс, действие», традиционно именуемые в лингвистике при помощи словообразовательного компонента – **аци**: *канцеляризация, бюрократизация, криминализация* и т.д.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Винокур Г.О.* Речевой портрет современного человека // Человек в системе наук. М., 1989.
2. *Крысин Л.П.* О некоторых изменениях в русском языке конца XX века // Исследования по славянским языкам. № 5. Сеул, 2000.
3. *Локтионова Н.М.* Лексико-семантическая характеристика термина. Ростов-на-Дону, 2001.

4. *Локтионова Н.М.* Семантические реалии онтологии языкового знака // Автореф. дис. докт. филол. наук. Краснодар, 2002.
5. *Никитина С.Е.* Языковое сознание и самосознание личности в народной культуре // Язык и личность. М., 1989.
6. *Романенко А.П.* Канцелярит: риторический аспект (О книге К.И. Чуковского «Живой как жизнь») // Риторика. 1997. № 1 (4).
7. *Сербиновская Н.В.* Формирование и развитие терминологического поля «маркетинг» в русском языке // Дис. канд. филол. наук. Ростов-на-Дону, 2008.
8. *Хлебда В.* Шесть соображений по вопросу о языковом самосознании // Русистика. СПб., 1999.

REFERENCES

1. *Vinokur G.O.* Speech portrait of a modern man // Man in the system of Sciences. M., 1989.
2. *Krysin L.P.* On certain changes in the Russian language of the late XX century // Studies in Slavic languages. No. 5. Seoul, 2000.
3. *Loktionova N.M.* Lexico-semantic characteristics of the term. Rostov-on-don, 2001.
4. *Loktionova N.M.* The semantic realities of the ontology of the linguistic sign: abstract. Thesis for Ph.D. of philology. Krasnodar, 2002.
5. *Nikitina S.E.* Linguistic consciousness and self-consciousness in popular culture // Language and personality. M., 1989.
6. *Romanenko A.P.* Office: rhetorical aspect (On the book by K.I. Chukovsky "Live as life") // Rhetoric. 1997. № 1 (4).
7. *Serbinovskaya N.V.* the Formation and development of the terminological field "marketing" in the Russian language: thesis for Ph.D. of philology. Rostov-on-Don, 2008.
8. *Chlebda V.* Six comments on the issue of language consciousness // Russian Studies. SPb., 1999.

21 сентября 2016 г.